

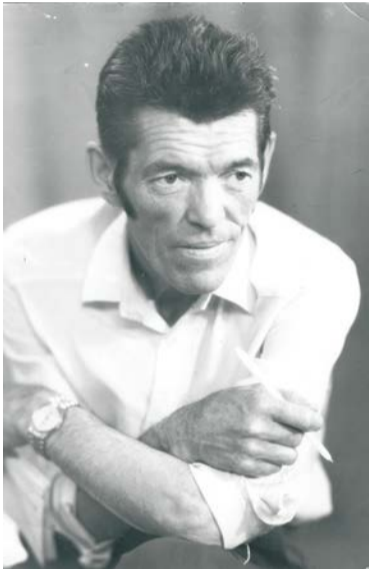

Приложение к № 166 газеты «Великолукская правда»

Творчество великолучан

Он был поэтом и гражданином

К дню рождения поэта Энвера Жемлиханова (12 сентября 1936 – 17 ноября 1995)

Энвер Жемлиханов – поэт, в полном смысле этого высокого звания: и по таланту, и по судьбе. Но, как часто бывает, его стихи, хотя и печатались в журналах, газетах, сборниках, отдельных книжках, не получили должной оценки в широких литературных кругах. Зато великолучане считали Жемлиханова своим – самым близким и доступным поэтом. Все новые стихи Энвер читал друзьям, многочисленным знакомым на улице, в цехе завода, в подшефном колхозе, в библиотеках и школьных классах, студенческих аудиториях и везде, куда его приглашали.

С Энвером мы сверстники, из того поколения, чье детство совпало с войной. Жили мы по соседству, на улице Пушкина – одно в окно. Свет в его крохотной комнатке зачастую горел до глубокой ночи. Иногда в моей квартире раздавался поздний телефонный

звонок, и знакомый, с хрипотцой, голос читал стихи.

В эти годы я работал собкором молодежной газеты, тогда весьма демократичной, и однажды пригласил Энвера в поездку по районам. В Новосокольниках вечером мы зашли в клуб, где кроме работников никого не было. Энвер подсел к пианино и стал бойко подбирать знакомую мелодию. Я удивился: «Ты где учился играть?» В ответ услышал: «Нигде, по слуху». После этой поездки по деревням района Энвер сделал несколько фотографий, а точнее художественных портретов: механизаторов, доярок, культработников и даже рядового милиционера, а к ним подписи, краткие, но образные, поэтичные. После публикации в газете зарисовки Жемлиханова привлекли внимание читателей и профессиональных журналистов. Однако, Энвера не заинтересовала стезя репортера. Вероятно, он продолжал «искать себя» и постигал смысл жизни: ездил по стране, работал грузчиком, землекопом, путевым рабочим, пастухом... Потом снова вернулся на завод высоковольтной аппаратуры, который считал родным. Когда Энвер окончил заочно Литературный институт, причем с отличием, ему предложили работать в престижной тогда «Комсомольской правде». Но он остался в Великих Луках, на своем заводе... слесарем! Друзья недоумевали – почему отказался от такой карьеры, ведь собкоры центральных газет пользовались привилегиями, роскошной квартирой, персональной «Волгой»... Однажды Энвер открыл мне секрет: «Я уже и анкету заполнил, но там была очень важная графа, в которой я написал «беспартийный». В редакции

советовали вступить в партию, тем более мне, как рабочему, можно было оформить это быстро, взять характеристику и написать заявление о приеме «в передовые ряды строителей коммунизма»... Но что-то воспротивилось во мне...»

А позже он напишет об этом в своих стихах так: «Врать, как «Правда», не хочу! Отгорблю и робу скину – поквитаемся сиречь. Почему ломаю спину, чтобы душу уберечь». И он продолжал по утрам бегать на завод, по восемь часов стоял у станка.

Ныне, когда Энвера нет в живых, можно уверенно сказать, что он сберег свою душу, поэтическую, тонкую, лирическую. Это особенно выразилось в венке сонетов «Бабье лето». Стихи эти были отмечены положительно и критикой, и читателями. И не случайно Жемлиханов стал первым за всю литературную историю города членом Союза писателей СССР. А ведь в то время отбор в союз проходил очень строго, на уровне защиты докторской диссертации. Я пишу эти строки не для того, чтобы изобразить Энвера святым. Родные, близкие, друзья знали и любили его таким, каким он был, без ретуши, без прикрас. Да и сам поэт не только не обожествлял себя, но в своих стихах судил себя слишком строго, называл «смертным грешником» и откровенно признавался, что жизнь была «добром заполнена и вздором». Но главное-то в том, что Жемлиханов старался жить по принципу, о котором Василий Макарович Шукшин сказал: «Нравственность есть Правда». Жить же по правде всегда очень трудно. Лет двадцать с лишним назад Энвер открыл мне в то время опасную тайну. Жемлиханов, в числе не-

многих, дружил с опальным композитором Сергеем Федоровичем Кайдан-Дешкиным и однажды перепечатал на машинке стихи его брата Георгия, известного поэта, погибшего в лагерях ГУЛага. Об этом узнали «бойцы невидимого фронта» и явились с визитом к Энверу. Не у всякого человека хватило бы мужества выйти достойно из этой ситуации. И мне понятно неприятие, с которым Энвер относился к нынешним «смельчакам», и «защитникам завоеваний», «патриотам» разного толка. И не случайно демократические перемены в стране он встретил с пониманием. Очень убедительно сказал Энвер об этом в стихотворении «21 августа 1991 года»:

*Свобода нынче заново дана.
Явилась, возвышая и калеча.
Ведь быть рабом
В любые времена
Влюбые времена
И проще, и бесхлопотней,
и легче.
Но люди прозревают
год от года.*

*А все-таки,
да здравствует свобода!
И все-таки,
Да здравствует Она!*

Еще об одной тайне Энвера Мухамедовича Жемлиханова: при всех перипетиях в жизни друзья отмечали его врожденное благородство. Он никогда не бравировал, не прикидывался «белой косточкой», хотя происходил из знатного рода. Татарин по национальности, мусульманин по вере, он уважительно относился к людям других национальностей и вероисповеданий. О России, приютившей Жемлиханова, он написал такие строки: «Просторы чистые, сквозные. Тебе, земле моей России, я посвящаю свой венок». А какие точнее сло-

ва о русских женщинах, которые идут в православный храм в «жакетах плисовых» на молебен: «Необъяснимая, кроткая – так повелось на Руси. Вся их молитва короткая: «Боже! Прости и спаси!»

Судьба поэта Жемлиханова трудная и счастливая. В Великих Луках Энвер встретил свою суженую – светлую россиянку, первую красавицу пединститута Лилию Румянцеву. Семья Жемлихановых вырастила хороших детей – дочь Эльмиру, сына Тимура. Повезло Энверу и с основным местом работы. На ВЗВА, ныне «ЭЛВО», он проработал тридцать лет. И здесь его всегда понимали, поддерживали, ценили. И в последние годы Энвер, со свойственной ему откровенностью, говорил: «Я очень обязан родному заводу-кормильцу, его руководителем, особенно Борису Николаевичу Каракаеву, ведь самая главная и большая книга стихов «Я здесь живу» издана его хлопотами, на средства предприятия».

Жемлиханов гордился и тем, что акционерное общество «ЭЛВО» изготовило два креста с куполами для храма нашего древнего города. Уже после смерти поэта это предприятие возвело часовню в честь Александра Невского на берегу Ловати и планомерно ведет восстановление и реставрацию разрушенной святыни мирового значения – Воскресенской церкви в Клину, где был крещен наш земляк, первый святой советского времени Патриарх Тихон.

И эта посмертная книга «Мои стихи» подготовлена и издана друзьями, поклонниками и благодетелями акционерного общества «ЭЛВО». Книга – наилучший памятник творчества поэта Энвера Жемлиханова.

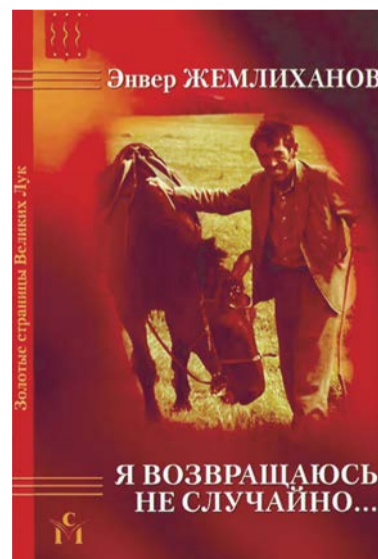
Николай НОВИКОВ,
член Союза писателей СССР
(ныне России).
1997 г.
(Фото из архива редакции)

«Все, что дано, испей до дна!»

*На земле похорошело – иней,
Иней!
Говорят, что это белый –
Иней – синий.
Красно солнце полыхает
Неугасно.
Говорят, что жизнь плохая –
Жизнь прекрасна!
Мы пройдем по белу свету,
Отбушем...
Говорят, что счастья нету?!
Я – дышу им!
(Энвер Жемлиханов)*

Нет, наверное, в псковской литературе более жизнеутверждающей и откровенной поэзии, чем лирика Энвера Мухамедовича Жемлиханова! Поистине великий поэт: его имя неизменно красуется в ряду лучших представителей псковской словесности.

Один из них, поэт и прозаик Лев Иванович Маляков в предисловии к сборнику Жемлиханова «Оазисы» говорил: «По национальности Жемлиханов татарин, но пишет он на русском языке. Глубинная Россия – Псковщина, стала для него матерью, вскормила и вырастила его. И как благодарный и любящий сын он поет о матери, создает песню с тем особым колоритом, который по плечу лишь тому, кто всем своим су-

ществом постиг великое чувство интернационализма».

С Псковщиной Энвера Жемлиханова свела сама судьба. Родился будущий поэт 12 сентября 1936 г. в городе Магнитогорске Челябинской области, в семье ссыльного. Его отец, потомственный купец, был раскулачен и сослан с семьей в Сибирь. В 1949 г. мать с Энвером и его сестрой приехали в Великие Луки. Неко-

торое время Энвер Жемлиханов учился в школе № 1. Чтобы помочь семье, устроился ретушерам в фотоателье, после чего перешел в школу рабочей молодежи. Чуть позже стал работать на заводе высоковольтной аппаратуры, затем – служба в армии (с 1956 по 1959 г.).

Путь в литературу был удивительным – Энвер Мухамедович никогда не стремился к графоманству, писал стихи по зову внутреннего голоса, отражая откровенно и честно все изъяны окружающей действительности. Первые его стихи появились в газете «Красная звезда», затем были и другие издания областного и местного формата.

Он освоил не одну профессию – был сигнальщиком, откатчиком, лесодоставщиком, путевым рабочим, грузчиком; для многих знакомых и друзей являлся ярким примером для подражания – честный, целеустремленный, богатый душой и сердцем человек и, безусловно, талантливый и бескомпромиссно честный поэт.

Подтверждение этим словам мы находим в творческом наследии Энвера Жемлиханова, которое на сегодняшний день составляют поэтические сборники – «Разбуженная околица»,

«Оазисы», «Звучанье тишины», «Рабочая окраина», «Красивое имя», «Двойная радуга», «Я здесь живу», «Мои стихи...», «Я возвращаюсь не случайно». В разные годы эти книги выходили в различных уголках России: Ташкенте, Ленинграде, Москве, Новгороде и Великих Луках. Последняя – «Я возвращаюсь не случайно» вышла уже посмертно в 2010 г. в серии «Золотые страницы Великих Лук», в известном издательстве Сергея Маркелова. Возвращаясь к словам Льва Малякова, хочется заострить внимание на том, что именно Псковская глубинка и живописные Великие Луки стали духовной родиной Энвера Жемлиханова. О них он поет свою чисто-

голосую песню, о них – болит и ругает его сострадающая душа:

*Как хорошо на этом
белом свете,
Где все вокруг родное,
Все – моё:
И небеса, и деревенька эта,
И в спелом поле
желтое жнивье...*

*<...>
Спасибо, край мой тихий,
за просторы!*

*Я снова дома,
значит – молодой...
...Припасть спиной
к макушке косогогара.
Поговорить с заветною
звездой...
(«Я снова дома», отрывок)*

(Окончание на стр. 2)

«Все, что дано, испей до дна!»

(Окончание.
Начало на стр. 1)

Стихотворения поэта, посвященные Родине, единой нитью связаны с темой природы и очень лиричны, напевны, пейзажны. Любят его строки, будто песни: порой щемяще-грустные («На Псковщине», «У Вечною огня», «Звёздный час», «Окна в ночи» и др.), порой как думы-откровения («Не надрывайся в поисках усердных...», «Звезда сверкнула», «В тихих заводях качается лето» и др.), а порой настолько солнечные и радостно-пронзительные, что понимаешь — перед тобой — человек, безгранично влюбленный в жизнь!

С душой, наполненной
приветом,
У теплых дум на поводу
Пишу посланья
И ответа,
Как ни печально, я не жду.
Но греет тайное желанье —
Что, заглянув
в наш спешный век,
Промолвит юное созданье:
— О, как прекрасен человек!..

Прекрасна и пейзажная лирика поэта, ей присущи напевность и внимание к деталям, поэт улавливает и настроение природы, и ее свежее первозданное

дыхание. Стихотворения «Август», «Чиста сентябрьская прохлада», «Осенний свет», «Морозное утро» и многие другие — это голос русского человека, безгранично влюбленного в заповедную живописную Русь.

Переливались искрами
песчинки...
Я жадно слушал, лежа на боку.
И так хотелось быть
простой травинкой,
Но наверху —
на солнечном вершине!
Стоять-качаться
у тропинки к дому,
Глядеться в мир,
где буйствует весна.
И светлым гимном вечному,
живому
Торжественно звучала
тишина.

Это стихотворение вошло в одноименный сборник «Звучанье тишины», предисловие к которому написал известный поэт Николай Старшинов. Он очень точно выразил «зерно» поэтического дара Энвера Мухамедовича: «Привлекает меня в стихах Э. Жемлиханова и сыновья любовь к природе, к жизни — любовь, которую он пронес через все трудности, оставаясь глубоко убежденным, что во всем этом и заключается настоящее человеческое счастье».

Я жил, как все.
Доволен был жильем,
глубин тишайших не искал —
не рыба.
И, смертный грешник,
говорю спасибо
за все, чем жил, за все,
чем мы живём!
За свет печальных
материнских глаз,
за ожиданье
непришедших писем —
за все земное,
от чего зависим
и что само зависимо от нас.
Гудит мой дом!
И жизнь берет свое,
где вечное не вечно,
а мгновенно.
Прости-прощай!

Навек благословенно
будь каждое мгновение твое!
(«Уходящему голу»,
отрывок)

Жизнь этого чистого душой человека оборвалась как тоненькая ветка на ветру: в 1994 году поэт заболел, и через год, студеным ноябрьским днем его не стало. И мир осиротел, опустел, потерял частичку солнца.

С тех пор прошло много лет, а мы помним, читаем, любим. На доме, где жил поэт, установлена

мемориальная Доска, великолукчане с уважением относятся к творчеству своего земляка, посвящают его памяти Дни литературного краеведения «Как слово наше отзовется...», а мы, читатели, вновь и вновь открываем для себя родники поэтического наследия Энвера Жемлиханова.

И мне думается, что значимость и ценность его творчества достойно проходит через испытание временем и любовью читателей. Современный человек ищет отдушину, благодатную пищу для души, стремится к красоте и эстетике, ему дороги те глубокие нравственные смыслы, которыми полнится поэзия Жемлиханова. Именно сегодня, в наше суетное, перенасыщенное информацией,

Прими
И похоронный плач...

Энвер Мухамедович Жемлиханов прожил непростую, но достойную жизнь, в пример многим из нас. И самое главное — он умел жить, поскольку умел делиться с каждым, кто был близок ему, — радостью, болью, добром, щедростью и теплотой своего сердца.

Ко Дню рождения поэта — возьмите в руки сборники его стихотворений — и вы окажетесь совершенно в особом мире, где все «дышит» гармонией и человеческой радостью:

Когда нежданно-нежданным
В пути окажешься в глуши,
Послушай музыку тумана,
Ее настоем подыши.
Забудь, что время

торопливо...

В огромном мире тишины
Склонилась плачущая ива,
В седые всматриваясь сны;
Туман — застывшая поэмка —
Заповолил мокрый луг.
Струится исподволь
Негромкий,

Новорожденный росный звук
И тает белыми мазками...
И чудодейно — не во сне! —
Плывут копейки островками
По этой зыбкой белизне.
И слышит боль беды

минувшей,
И будет легким долгий путь.
Тумана музыку послушай —
На встрече с родиною побудь...

Антонина ГОЛУБЕВА
2016 г.

ОАЗИСЫ

Мне везет в пустынях щедрой Азии —
Всюду попадаются оазисы!

Разве я когда-нибудь забуду:
Пролетал с шофером по заре
И сидел с погонщиком верблюдов
На зыбучем войлочном седле.
Восседал я в юрте овцевода
На коврах, как шах,
Не на земле.

Мне узбечка подавала воду
В дорогой бухарской пиале.
В поиск шли геологи-ребята
И со мной делились чем могли...
А ведь мне долдонили когда-то,
Что пустыня — это край земли.
Но однажды встреченный мудрец —
С посохом и светлой бородою —
Так сказал, беседуя со мною:
— Всюду есть оазисы сердец!

ЗАПЕВ

Родина, ты не прощай меня,
Если запою елейно-пряно,
Если не скажу о чем-то прямо,
А смолчу.
Ты не прощай меня.

Рядовой боец большого класса,
Я — предтеча завтрашнего дня,
И в любви в тебе не стану клясться:
Ведь от слова Родина —
Родня!

Вот иду в твои сквозные дали:
Гул заводов,
Дремный звон жнивья...
За тебя отец и брат мой пали.
За главу семьи остался я.

И не мне покоем ограждать
От невзгод и радостей твоих:
Мне на долю пало —
За троих
Утверждать высокое гражданство.

Я родился в таком краю,
Где густые леса без просек,
Где и душу тебе отдают
И взамен ничего не просят.

Там начало моих начал:
Годы счастья и дни печали,
Мой родник и первый причал,
От которого в жизнь отчалил.

Что ищу я,
Куда плыву,
В крепкий парус впрягая ветер?
Даль за далью к себе зову.
Их так много на белом свете.
Знаю мне их не все найти,
Не ко всем приставать причалам...

Я иду,
Чтоб другим пути
Не пришлось начинать
Сначала.

ПЕСНЯ

Все то, что в нас впиталось с колыбели, —
Неужто память выветрит из нас?
Вчера я слышал, ветераны пели:
— Артиллеристы, Сталин дал приказ...

И у пришедших пить и веселиться
За дружеским — за праздничным столом
Увидел я доверчивые лица
Солдат, когда-то шедших напролом.
А детвора притихшая сидела,
С поющих дедов не спуская глаз.
И песня незабытая звенела:
— Артиллеристы, Сталин дал приказ...

Затихла песня, певуны устали.
А тамада по фронтовой налил.
— Скажи, дедуля, кто такой он, Сталин? —
Мальчишка вдруг у дедушки спросил.
И замолчало шумное застолье,
Когда старик ответил малышу:
— Кто Сталин говоришь? Да он — история...
А песню я тебе перепису.

ПАРОМЩИК

О берег тихо стукнулся паром,
А на мое мальчишечье:
— Спасибо! —
Старик-паромщик прогудел:
— С добром, —
И оттолкнулся от нависшей глыбы.

Мы заскользили по воде крутой
Наперекор разгульному течению,
Лебедка пела под его рукой,
Мне труд его казался развлечением.

Но на середине вздыбилась река,
Как дикий конь, захлестнутый арканом.
Взлетел канат — ударил старика
И, ослабев, в летящий пене канул!

А я зверьком метнулся по корме
И греб доской, чтоб миновать стремнину,
А он кричал, испуганному, мне:
— На стрежень правь!
Греби на середину!

Мы плыли по реке с названием Русь.
Паром бросало, а река гудела...
Я сам теперь паромщиком тружусь
И, говорят, неплохо знаю дело.

Когда срывает полая вода
Дошаник мой, как таящую льдину,
Я вспоминаю детство и всегда
Не к берегу гребу — на середину.

Не надрывайся в поисках усердных.
Не торопись
До времени сгореть.
Не говори от имени бессмертных, —
За это право
Побеждают смерть!
Не говори!
... Но вправе ль я молчать,
Когда в груди моей
Лютует рана?
Я содрогаюсь:
Поздно или рано
Настанет срок за век свой отвечать.

Над блиндажом, над старым блиндажом,
Бросая тени
На ближайший дом,
Застыли сосны.
Бор дышал светлей:
Цвет облетал с уснувших тополей.

Молчал блиндаж,
Присыпанный листвою,
И весь в росинках, как в слезинках-блестках.
А перед ним, на просеке лесной,
Виднелась арка с надписью «Берёзка».

Как в дом, вбегали в гильзу муравьи,
Качались в чистой голубени флаги...
Здесь грохотали смертные бои.
Здесь пионерам выстроили лагерь.

А на опушке золотился пляж.
День поднимал торжественные дали.
... Как две эпохи —
Арка и блиндаж
Друг перед другом
У проселка встали.

Я вышел в поле, уличный мальчишка.
Мороз январский крепко и трескуч.
Закат багровый над лесною тишью
Поджег лохмотья темно-синих туч.

Куда ни гляну —
Дали снеговые,
По ним столбы за горизонт бегут,
И надо мною провода седые
Природе колыбельную поют.

Притих дубняк, ветрами обнаженный,
Забрел в овражек хоромов осин.
Готовясь к ночи, тихий, полусонный,
Сгущает мир загадочную синь.

Мороз дубит пылающие щеки,
Мне хорошо: вокруг родная Русь!
И я целую вечер синеокий,
Дышу, дышу —
Никак не надышусь!

«Как я провел лето»

(Свежие яблоки навевали-навели)

Появились сезонные яблоки! Страна: Россия, с деревьев, пахнут яблоками, можно есть с кожурой. Сладкие, сочные, сказочные! Запах напомнил детство. У нас целых 8 яблонов. Первым поспевал белый налив... Вообще, если вспомнить, что и когда поспевало... Это ж целая история!

Итак, приезжаешь. Бывало, что в конце мая (ура!). Засыпаешь, уставший, а в окне через дорожку сияет волшебная ель с черным вороном. Приснувшись, видишь белый эмалево-блестящий потолок и не можешь поверить. Вот это да! Вот это счастье! Сколько сразу дел, сколько возможностей, сколько свободы! Кстати, поначалу могли быть и холодные дождливые дни, и даже недели.

Первое впечатление: приобщение к тайне – это то, как растапливается печь. Как начинали плясать языки огня, как разгоралось и гудело за закрытой дверцей, как падала зола маленькою дверцею ниже. А за окном холодно, сыпотно. Но ничего. Под морозящим дождем можно было гонять футбол, играть. Ходили, получив извещение, с тележками на почту – маленький дом в розовой известке, бывшая мясная лавка. Получали посылки, которые до этого отправляли весь май. На почте всегда, даже в жару, было прохладно, пахло сургучом, тикали часы с маятником и с боем, такие же как дома, за окошечками сидели чудные имена – Муза и Фая. Вообще домов больших основательных было много – двухэтажные, низ каменный, где могли располагаться склад, магазин, лавка, а верх жилой – деревянный пятистенко. Был неподалеку за церковью и таинственный большой, весь каменный, краснокирпичный, точно большой вытянутый вглубь ларь. Чей он был до революции не известно, там располагалась лесопилка.

К 20-м числам июня все должно было расподогиться. В любом случае, первые дни были посвящены чтению. Сладкий запах сирени за окном, читаешь по энному разу «Трех мушкетеров» плюс «20 лет спустя», они – точно ветхий и новый завет, завет великой дружбы, катаешься на велике, мечтаешь. За обедом, который по разнообразию и изысканности не уступает описанию Дюма, воображаешь себя д'Артаньяном, а красный сок, компот или морс в бокале – бургундское или анжуйское! Каждое утро начинается с большой стопки блинов (с маслом). Без блинов просто и не встаешь! Без блинов это не жизнь! Выходишь на кухню – вкусный дым кружится в желтых лезвиях-лучах утреннего света. После завтрака изучаешь лакированную книжку – Московский кремль или Оружейная палата. Наизусть все эти башни, годы постройки. Перед крыльцом, у гаража строишь город из кирпичей (стены), копаешь рвы, мосты из маленьких досточек. Ставишь туда солдатиков. Потом залезаешь на забор – смотришь издалека. Представляешь, что это античный Рим или Афины из учебника по древнему миру, который лет с 6-ти перечитываешь. И вот как раз, когда ты сидишь на столбе забора, на круглой жестяной разогретой солнцем площадке, идет почталыон Вера, сухонькая, маленькая, с огромным мешком наперевес, несет газету или письмо. Ага, значит уже 11 часов. Все это повторяется почти каждый день. Она всегда скажет чего-нибудь веселое или подивится на мой вновь отстроенный город.

Аллюзии с учебником продолжают. Вот, к примеру, выходишь в сад – смотришь – и все это твое! Абсолютно феодальное чувство! Представляешь, что ты средневековый граф, герцог или скромный рыцарь, джентри (а я и сейчас так представляю). Выпиливаешь на верстаке щит, рисуешь красками герб на нем. Достаешь лук, вытачиваешь стрелы – хорошие, острые как иглы наконечники из железной проволоки (это уже ближе к подростковому возрасту), как в английском сериале про Робин Гуда. Все дети бегают по улице с луками. Гравюра Гюстава Доре «Крестовосцы берут Константинополь», феодальная лестница. «Вассал моего вассала, не мой вассал». До сих пор не могу найти любимую английскую сказку про трех рыцарей. Три рыцаря, три замка и три ключа: медный, серебряный и золотой. Где эта сказка? Не выдумал же я ее сам!

Итак, для старта, на все эти студии первые недели три. Да и потом идет, с продолжением.

К 20-м числам, когда отцветает мейерскуническая сирень, да первый сенокос пройдет по белым одуванчикам, поспевают клубника. Размеры сборов доходят до эмалированного тазика. Сидишь и ешь этот зеленый тазик в тени под яблонями, там, где гамак, лавочка и качели. Скрываешься днем от жары в прохладной террасе, а в раскрытое окно из палисадника

веет дурманом жасмина. Главное не засидеться, а то опьянеешь.

К 10-м числам июля подходит пора белой и красной смородины, крыжовника, которые также идут в компот. К 20-м числам приходит пора вишни. Ходишь с газетным кулечком, пахнущим сырой бумагой и краской, по улицам, кто дальше плюнет. Вишни было много – целый большой сектор за яблонями. Бунин как-то заметил, что это ошибка назвать пьесу «Вишневый сад». Что вишневых садов в чистом виде никогда не было, а были сады смешанные, часто вишнево-яблоневые. Ну, Чехов же он не из средней полосы, а из пустынных степей, да из купцов. Откуда же ему эти усадебные тонкости знать? Да и не в том суть... Но я тоже не могу представить себе одни вишни. У нас же не Япония.

Итак, продолжаем. За вишнями шел белый налив. Нежным бледно-зеленого цвета яблочко. Они были удивительно ароматные, хрустящие, сладкие. Вместе с ними собирали черную смородину, кусты которой шли по периметру. Таким же периметром, с высокими прямогольными деревянными подпорками, шла малина. С нею было деревце ирги. Ирга совершенно чудесная. Синяя, нежная, чуть вязущая. Можно было есть малину и иргу одновременно. Между ними хороший контраст. Стоишь там, у металлических тросов, и

смотришь на нашу мачту антенно-громовода – самое высокое сооружение на улице. А еще это был период варки варений. Тогда утренние блины или пятничасовой чай шли с вареньем. Его накладывали в розеточки из тонконогой старинной изящной вареницы-чаши лилового стекла. Еще поспевала детская радость – горох. Терпения не было, потому начинаешь объедать еще нежные и маленькие плоды. Бывало, позовешь друзей с улицы. Но, кажется, за это попадало.

Еще в это же время шла морковь. В гряде моркови почему-то бывало лежали кошки.

Больше всего возни было с помидорами и огурцами, которые тоже подходили к 20-м числам. Парники, открывай, закрывай, поливай, окучивай, пропалывай – и так почти все лето. Если дождей не было, то шлангом – длинная многометровая сочащаяся змея, набирали большие железные бочки. Я всегда смотрел на все эти бабушкины труды со стороны и несколько философски. Помидоры всегда дозревали на подоконнике. С огурцами было лучше. Запомнились почему-то те огромные бесполезные – на семена.

Август – сезон сбора яблок. Подставляешь лесенку – и вперед. Красные, молодые! (Я сегодня такие купил). Вечером хрустишь яблочком, или выхватаешь из-под льняного полотенчика пирожок с луком и яйцом – и на улицу! А там синие сумерки, даль, легкий бриз, причудливыми галактиками кружатся стайки мошек. Пирогов всегда было много. Кроме пирогов были еще ватрушки, колобки, плюшки. Мак на плюшках был тоже свой. Из подобного также росла мята, которая

шла в чай, а еще до сих пор помню пряный аромат укропа.

К середине августа подходила пора свежей картошки. Дни короче, ветер сильнее и холоднее. Небо, высокое, далекое, северное, уже смотрит по-осеннему. Идешь туда, за забор, где, словно серая молния, в застывшую лазуритом синь вонзились засохшие верхние ветви столетнего перунова дуба. Там заросли дикорастущей малины, а в усадебном парке за нею и за дубами шелестят липы. Вспоминается поздняя осень, ранее детство, идешь за ручку с бабушкой мимо построек, мимо разбитого фонтана, мимо старого дома. Под ногами хрустят тонкие белые льдинки, в темных и сумрачных кронах лип кричат стаи грачей. На душе празднично. Вещи, явления и стихии живут своим таинственным смыслом, и в тишине дней ты начинаешь слышать их разговор.

Ниже под пригорок убегают дорожка к пруду. У пруда многоэтажные не в обхват гигантские тополя, выстроились в ряд точно екатерининские гренадеры. Их звенящие выси в вечернем свете кажутся клубящимися облаками, золотыми ярусами иконостаса, и будто бы там, на этих немислимых этажах, живут и говорят о чем-то. В хмуром серебристом небе кружат стаи птиц. От пруда там, на пригорке, за деревьями видна башня церковной колокольни петровских времен. Наша Белая церковь, дом причта – билетная касса. Мимо нее в свое поместье ехал Суворов. Верхняя часть колокольни срезана. То, что осталось, похоже на массивный шестигранный отточенный карандаш, как будто башня романского храма, та же картинка из учебника – из средневековой старины опрокинутая в наш уездный город. За колокольню убегают вечернее солнце.

месяц просил монетку – кажется, это был елизаветинский пятак. Здоровенный, толстый, тяжелый, с красивого патини. И вот в тот самый день мне его подарили! Невеоятно! Я, конечно, сразу же после завтрака вышел с ним погулять, показывал всем в улице. Мы играли, бегали. И это все было вдвойне веселее, когда ты обладал таким сокровищем! Но вскоре я обнаружил, что карман на шортах, он был немного не надежен, – пуст. Я потерял свое сокровище в тот же день! Монета была большая, трава была невысокой, но ее нигде не было. Вот такой д.р.

Вообще же, обычно было очень хорошо. Просто замечательно! И я всегда с ужасом думал: как же скучно и мутно было бы праздновать в те девять месяцев, во время учебного года, с постным видом ходить по рядам, раздавать конфеты... Думаешь: а идите-ка вы, пожалуйста, на фиг, пошляки, снобы, зануды, хоть летом от всех вас отдохну! Школа представлялась если не адом, то чистилищем. Угрюмое время бесконечной нервотрепки на уроках, серость и тупость, болтовня, беготня, бесовщина куцых и тщеславных товарищей, мещанский образ мыслей которых (в таком-то возрасте!) не вызывал у меня ничего, кроме презрения. Благодаря нескольким байроническому образу, я казался им «черным ящиком» (слова не мои), предметом загадочному, потому до меня особо никто не домогался. Ну, и это было неплохо. Но черт с ней, со школой!

Золотое время каникул, лето – это целая маленькая жизнь, которую надо было прожить так, чтобы следующие девять месяцев, за которыми шло новое Освобождение, прошли легче и незаметнее. Уже в конце апреля, когда брали билеты, когда была Пасха, ты начинал жить надеждой, и она приближалась все эти сорок дней, и была точно Небесный Иерусалим. Венцом же лета, яблоками и медом – был, конечно, День рождения. Итак, с утра, когда помотришь мультик, почему-то все это время, из года в год, обязательно, как по расписанию, шли серии «Гены и Чебурашки» или «Незнайки», был сладкий пирог в сеточку, другие пироги, подарки – дед мог подарить ножичек или книжечку. Было очень приятно. Весь день чувствовался светлым, сказочным и необычным. В нем явно обозначалась какая-то отмеченность, которой я не чувствую теперь. Вечером шли в центр. Там на липовой аллее, в краснокирпичном фабрично-купеческом Манчестере, сидели с бабушкой в сумерках, ели пломбир за 20 копеек. Подходили знакомые, интересовались, сколько лет. И всегда говорили: о, уже большой совсем. Я думал: да неужели? День запоминался и был действительно праздником, остановкой, чудом и волшебством. (Бабушка умела творить чудеса!)

Конец лета, последние дни всегда был грустным. Я часто выходил к полю (наша улица была последней, а наша часть города, с которой все и начиналось во времена Грозного, так и осталась одно-, двухэтажным предместьем), смотрел в эту волнуемую ветром даль: вот – рощица с кладбищем в полуверсте, за нею черточка-колокольня в пяти, вот синее полоска леса в семи, и мысленно прощался. Ночи становились дольше и темнее, дни дождливее. Бывало, лежишь под одеялом и в полной тишине, сквозь дрему, слышишь гудок и далекий шум полуночного поезда, манящий, таинственный, волнующий, едва уловимый перестук колес.

Дмитрий КОТОВ
г. Москва